

Въ предисловіи къ первому тому С. П. Мелуновъ выдвигаетъ въ качествѣ основной задачи своей «Градеди» — показать огромность морально-политической фигуры адмирала Колчака, — къ которому онъ относится съ почительнымъ обожаніемъ. Отсюда становится понятнымъ (но для историка недопустимымъ) стремленіе создать соответствующій фонъ для задуманнаго портрета, отсюда вольное и невольное искаженіе перспективы за счетъ приращенія и очерченія рядовъ «революціонной демократіи».

А. Аргуновъ.

Гр. П. Бобринскій. Старчикъ Григорій Сковорода. Жизнь и ученіе. Парижъ, 1929. Стр. 84.

Появленіе брошюры графа Бобринскаго симптоматично. Не только одинъ «юбилейный» интересъ (двухсотлѣтіе со дня рожденія Сковороды исполнилось въ 1922 году) вызвалъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ цѣлый рядъ публикацій о замѣчательномъ украинскомъ мыслителѣ XVIII вѣка. Интересъ къ Сковородѣ однако симпатиченъ и для оживленія религіозной жизни въ славянскихъ странахъ, и для вниманія, съ которымъ стали теперь относиться къ славянской старинѣ. Неожиданно обнаружилось, что для изученія славянскаго прошлаго сдѣлано еще поразительно мало. Съ удивленіемъ мы замѣчаемъ, что уже при прошлой «встрѣчѣ» съ общеизвѣстными — по крайней мѣрѣ по имени «общеизвѣстными» — памятниками славянской старины, простомъ чтеніи памятниковъ письменности, созерцаніи памятниковъ изобразительнаго искусства мы на каждомъ шагѣ открываемъ цѣности, о существованіи которыхъ не подозрѣвалъ не только средній интеллигентъ, но мнѣ ихъ до сихъ поръ почему-то проходили и ученые специалисты.

Такъ и со Сковородою. Взявъ въ руки его сочиненія, поражаешься, натываясь на каждомъ шагѣ то на мысли и образы, считающіяся лучшимъ украшеніемъ западной христіанской мистики, то на мысли и образы въ высшей степени оригинальные, но почему то до сихъ поръ незамѣченные и неотмѣченные.

Заслуга автора лежавшей передо мной брошюры въ томъ, что онъ прочелъ сочиненія Сковороды, прекрасную біографію Сковороды, написанную его другомъ и ученикомъ Ковалинскимъ и составилъ, руководясь, главнымъ образомъ, книгою Ф. А. Эрна, прекрасный очеркъ жизни Сковороды. Въ біографію искусно вплетены нѣкоторыя данныя о міровоззрѣніи Сковороды. Поэзіи Сковороды также уделено нѣкоторое мѣсто, при чемъ авторъ очень удачно разбираетъ ходячее мнѣ-

чтобы испытать чувство законнаго протеста противъ историка, не нашедшаго другою матеріала для подведенія итога дѣятельности самаро-ролжскаго фронта, кромѣ перепечатки «сочной картины» пьяной компаніи.

ние о незначительной художественной ценности поэтических произведений Сквороды, — мнение, основанное на приложении мѣрокъ нашей современности къ языку Сквороды, покоящемуся не на великорусской, а на украинской основѣ, къ формальнымъ элементамъ его поэзіи, базирующейся на — чуждой для нашей современности — стихотворной традиции украинской поэзіи XVII - XVIII в. в. и даже отчасти украинской народной пѣсни.

Прекрасной популяризацией нѣкоторыхъ мыслей Сквороды, къ сожалѣнію, и ограничивается авторъ. Ни средство Сквороды съ неплатонизмомъ и нѣмецкой мистикой, ни своеобразіе нѣкоторыхъ его идей не находятъ въ книгѣ освѣщенія. Авторъ, правда, самъ указываетъ, что онъ «не задается цѣлью выясненія, какія именно вліянія отразились въ ученіи Сквороды, полагая, что задача эта второстепенная». Но вѣдь дѣло отнюдь не только въ выясненіи «вліяній». Установленіе сходствъ и различій въ исторіи мысли есть не цѣль, а только средство изслѣдованія. Если не считать, что исторія мысли есть исторія случайностей, то сходства и различія идей — независимо отъ совершенно несущественнаго вопроса о причинной связи сходнаго — есть прежде всего основа для постановокъ вопросовъ, направляемыхъ нами къ изучаемому автору. Всякое изученіе исторіи мысли есть sui generis разговоръ, діалогъ. Вопросы въ немъ значатъ не меньше, чѣмъ отвѣты.

Отказавшись отъ исторической постановки вопросовъ, авторъ тѣмъ самымъ упростилъ и урѣзалъ свой разговоръ со Сквородою. Случайныя замѣчанія о сходствахъ мыслей Сквороды съ... восточною мистикой — только подчеркиваютъ въ какомъ отрывѣ отъ исторіи развивается философскій діалогъ въ книгѣ гр. Бобринскаго. Вѣроятно, въ силу этого именно обстоятельства книжка гр. Бобринскаго не даетъ, въ сущности, никакихъ новыхъ научныхъ результатовъ въ сравненіи съ книгою Ф. А. Эрна, появившейся вѣдь уже 20 лѣтъ назадъ! Это, впрочемъ, не мѣшаетъ книжкѣ быть прекрасной популяризацией и въ качествѣ таковой мы и желаемъ ей полного успѣха.

Въ случаѣ переизданія книги, необходимо исправить рядъ мелкихъ ошибокъ. «Культура Киевской Академіи» отнюдь не «черпала свои идеи въ Платоновской традиціи», какъ то думаетъ авторъ, скорѣе ужъ можно говорить объ аристотелевской традиціи. Утвержденіе, что Скворода «легко изъяснялся на нѣсколькихъ языкахъ и сверхъ современныхъ зналъ латинскій, греческій и древне-еврейскій» нуждается въ уточненіи. — Скворода несомнѣнно зналъ нѣмецкій языкъ, возможно также и венгерскій, прекрасно владѣя латинскимъ и греческимъ, онъ врядъ ли хорошо зналъ древне-еврейскій. О «разсудочности» въ произведеніяхъ Сквороды авторъ говоритъ только согласно установившейся, но плохо обоснованной на фактахъ традиціи. «Рационалистическія» истолкованія Священнаго Писанія, а также и ученіе Сквороды о «безконечности тварнаго міра», могутъ быть правильно поняты только на почвѣ исторіи мистики (ср. мои замѣтки въ статьѣ «Г. С. Скворода и нѣмецкая мистика» въ «Трудахъ Русскаго Народнаго Университета въ Прагѣ», томъ II, 1929 г.). Авторъ безъ достаточнаго основанія связываетъ ду-

шевный переворотъ, пережитый Сквородою съ полученіемъ имъ извѣстія о чумѣ въ Кіевѣ, — въ разсказѣ М. Ковалинскаго связь только хронологическая.

Списокъ литературы, приложенный къ книгѣ, поражаетъ своею неполнотою. Даже въ «краткой» библиографіи нѣкоторыя работы послѣднихъ лѣтъ (Д. Багалій, В. Петровъ) заслуживали упоминанія. Книга Эрн (1912) — послѣдняя изъ названныхъ. Отмѣтимъ, какъ курьезъ, что авторъ ввелъ свою библиографію въ заблужденіе рецензента «Возрожденія» П. Рысса, который и распространился о ничтожномъ количествѣ работъ, посвященныхъ Сквородѣ (въ дѣйствительности ихъ сейчасъ навѣрное не меньше 250).

Пожелаемъ успѣха брошюрѣ г-ра Бобринскаго, но пожалѣемъ, что она возвращаетъ насъ на 20 лѣтъ назадъ, къ прекрасной, но уже устарѣвшей книгѣ Эрн.

Д-м. Чиневскій.

Russian Schools and Universities in the World War. Изъ серіи *Economic and Social History of the World War.* New Haven: Yale University Press. The Carnegie Endowment for International Peace. 1929. Стр. 239.

Этотъ новый томъ извѣстной серіи, публикуемой Институтомъ Карнеги, содержитъ въ себѣ двѣ работы: Д. М. Одицца о положеніи средняго и начатнаго образованія въ Россіи во время войны (стр. 1 - 129) и П. И. Новгородцева о положеніи высшей школы (стр. 130-239). Графъ П. Игнатьевъ, школьной реформѣ котораго оба автора естественно отводятъ центральное мѣсто въ своихъ очеркахъ, написалъ краткое (стр. XVII - XXV) введеніе ко всему тому, ярко характеризующее педагогическія намѣренія реформы, на симпатіи къ которой объединилось все русское общество въ эпоху, когда общія дѣятельность правительства вызывала къ себѣ столь же единодушное отрицаніе.

Совершенно правильно говоритъ графъ Игнатьевъ: «годы, непосредственно предшествовавшіе войнѣ, останутся въ исторіи, какъ эпоха исключительнаго прогресса Россіи въ социальномъ и экономическомъ отношеніи». Безспорно, что въ области народнаго образованія прогрессъ этотъ былъ особенно значителенъ, открывая собою «новую эру въ исторіи русской школы». Пожалуй, можно даже сказать, что «волна энтузіазма заливала всю страну, земства, Думу», даже и правительственные круги (примѣромъ чего служить самъ г-р. Игнатьевъ), хотя врядъ ли она захлестывала такъ же и правительство, какъ это онъ, явно преувеличивая, замѣчаетъ.

По крайней мѣрѣ очеркъ Д. М. Одицца какъ бы специально посвященъ характеристикѣ «парализующей школьной политики правительства въ десятилѣтіе, предшествовавшее войнѣ». Вся первая глава его съ жгучей настойчивостью напоминаетъ русскому читателю печальную дѣятельность Министерства народнаго просвѣщенія въ эти